

Васильковые песни
Жени Васильевой

Евгения Васильева

Васильковые песни
Жени Васильевой

«Алгоритм»

2014

УДК 82-1
ББК 84

Васильева Е.

Васильковые песни Жени Васильевой / Е. Васильева —
«Алгоритм», 2014

ISBN 978-5-4438-0734-8

Евгения Васильева – дочь петербургского предпринимателя Николая Васильева. Окончила юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Работала юрисконсультom в различных коммерческих организациях. В 2006 году переехала в Москву. Занимала руководящие должности. В 2010 году перешла на работу в Минобороны. Награждена орденом Почета. Сейчас находится под домашним арестом в связи с расследованием дела в отношении бывшего министра обороны Анатолия Сердюкова. Виновной себя не считает. Поэтическое творчество Васильевой – своего рода лирический дневник современной молодой женщины. В книге автор искренно и проникновенно рассказывает о своих чувствах и переживаниях, отношениях с близкими людьми, объясняется в любви к родине и русской природе.

УДК 82-1
ББК 84

ISBN 978-5-4438-0734-8

© Васильева Е., 2014
© Алгоритм, 2014

Содержание

От автора	8
На перекрестке звезд и терний	9
Аллилуйя	13
«Ты самый лучший на моей планете...»	14
Колокольчик	15
Февраль	16
Детство	17
Васильковая песня Жени Васильевой	19
Мама	20
Голубая карета	22
Головокружение	24
Голос	25
«Я так устала от пустой неволи...»	27
Фарфоровый стих	28
Глух и нем	29
Пять «а»	30
Странник	31
Даль	33
Суета	34
Загадка	35
Разговорчики	38
Долго-долго	39
Зимняя сказка	40
Кровушка	41
С вами	42
Пломбир	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Евгения Васильева

Васильковые песни Жени Васильевой

© Васильева Е., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

От автора

Когда я начала писать, то не могла и предположить, что мои стихи станут читать кто-то кроме меня, моей семьи и друзей. И уж тем более, что они вызовут такой переполох среди журналистов и блогеров. Вот уж не думала, что фразы, четверостишия и даже целые стихотворения буду пересылать друг другу с комментариями, что про них будут сочинять многословные и довольно остроумные статьи, делать забавные коллажи.

Спасибо вам за популярность. Что бы я без вас делала?

Вот почему эта книга и для вас, критики. Ловите же скорее. Смейтесь, упражняйтесь в остроумии, прикалывайтесь. А я посмеюсь вместе с вами. Я – человек веселый.

До сих пор не перестаю шутить и смеяться – даже когда мне нелегко, на моей ноге тюремный браслет, а окна зашторены плотной тканью от объективов папарацци.

И в такой, прямо скажем, не самый приятный период стихи не просто украшают мою жизнь – они делают ее осмысленной. Не такой страшной. Не бесконечно одинокой.

Стихи дарят мне надежду. Помогают выжить.

Однажды мне предложили: «Женя, а попробуй свои стихи напеть».

Получилось.

Сначала одна песня, потом другая. Постепенно сложился полноценный альбом.

Так что у вас в руках – книга песен. Песен о моем детстве. Песен весенней природы и просыпающейся Невы. Песен звездного августовского неба и февральских метелей. Песен цветов – колокольчиков, ландышей, васильков.

Песен моей души и моей любви.

Которые я пою для вас.

На перекрестке звезд и терний

Как известно, детские впечатления откладывают отпечаток на всю последующую жизнь человека, определяют дальнейшую судьбу каждого из нас. Радостные воспоминания заряжают оптимизмом, помогают смотреть на мир бодро и весело, оставаясь победителем в самых безнадежных ситуациях. И наоборот, негативный опыт ранит душу и психику, обрекая под сознание тяжелым грузом дурных комплексов.

Евгении Васильевой повезло. Она появилась на свет при счастливом расположении звезд – ее детство было в буквальном смысле безоблачным – и, чтобы справиться с переполнявшим ее изумлением и чувством благодарности к Богу, девочка Женя решила поделиться своим восторгом с окружающими. На помощь пришла поэзия, ставшая точкой отсчета ее будущего духовного созревания и совершенствования. Постепенно эмоции структурировались, обретали ритмические формы, мысли формировались в поэтические строфы и образы, слова и фразы рифмовались друг с другом. Мир на глазах превращался в волшебное, сказочное пространство, где отсутствуют границы между снами и явью.

Для Евгении Васильевой не стоит вопрос о смысле и цели творчества. Поэзия вошла в нее и окутала как аура – стала эфирным наполнением и продолжением ее физического тела. Чем бы она ни занималась, в какой бы ситуации ни оказывалась, окружающий мир для нее – поток радости и изумления, неисчерпаемый круговорот метафор, из которого она черпает и строительный материал, и вдохновение для диалога как с близкими людьми, так и с вечностью.

Отсюда и жанр стихов Васильевой – лирический дневник, позволяющий не только скрупулезно фиксировать нюансы внешних и внутренних событий, но заодно и оценивать происходящее вокруг, шептать слова любви, обличать предательства, а главное – исповедоваться.

Что и говорить, из всех форматов общения с читателем автор выбрала наиболее рискованный – запредельную по пронзительности искренность и граничащее со святостью простодушие. Поэзия для нее – не возможность поупражняться в интеллектуальной эквилибристике, а непревзойденная по степени истовости вера. Сборник, который вы держите в руках, настолько безупречен по чистоте звучания, обнаженности чувств и отсутствию малейшего намека на фальшь, что отменяет все подозрения в искусственности, притворстве и стремлении казаться, а не быть. Столь высокий градус прозрачности, света, достоинства и благородства поневоле возвращает к традициям золотого века русской поэзии. Используя классическую русскую – *есенинскую* – просодию, Васильева подчеркивает, что ее истоки – в отечественном *реализме* с его неистовой любовью к родине, идеологией добра и созидания, каноничной ортодоксальностью, внятностью и безыскусностью – и поэт не собирается изменять вскормившей ее почве. Кредо автора – чем понятнее и проще, тем больше возможностей для пленения читателя. К тому же когда с детства все вокруг свои и нет причин ожидать подвоха, поневоле привыкаешь доверять первому встречному. Воистину тексты такой степени проникновенности могут рождаться только в состоянии бесконечной эйфории от пребывания на земле.

Все мироощущение Евгении озарено трепетным отношением к России. Вообще есенинская просодия отличается тем, что ее семантика насквозь патриотична, то есть каждое слово или высказывание – даже если автор пытается что-то «очернить» – все равно пронизаны бесконечным, всепоглощающим слиянием с национальными истоками. Россия для русского поэта – больше чем космос или судьба. Как и ее литературные предшественники, начиная от Лермонтова и Есенина, Васильева воспринимает родину как высшую реальность, сам факт рождения в которой уже есть великий дар небес и божественное предназначение.

В поэзии Васильевой Россия предстает в самых разных ипостасях – то в прекрасном Возлюбленном – Принце на белом коне, то в неброских луговых цветах Подмосковья, то в

рождественском звездопаде, отражающемся в куполах московских церквей, то в бездыханной, вдавненной в рельсы, униженной и преданной Карениной.

К сожалению, как мы знаем, излишняя открытость и доверчивость Евгении Васильевой стали причиной ее конфликта с суровой повседневностью. Темные силы сочли красивую и внешне, казалось бы, беззащитную девушку легкой добычей – и при первой же возможности набросились на нее. Такое в сегодняшнем мире не редкость. Обитатели истеблишмента зачастую не могут простить, что кто-то позволяет себе быть окрыленнее и чище их, низменных и порочных. Вот и решили принизить, укоротить – поставить на место.

Сейчас для Евгении наступили не лучшие времена. Впереди – нешуточные испытания. Но поэт не поддается унынию, не впадает в разъедающие душу депрессию и отчаяние. Мужественная женщина сумела мобилизовать весь свой иммунитет, накопленный за предыдущие годы общения с музами. Стихи, которые выходят из-под ее пера, доказывают, что даже «безыдейная», сугубо мирная поэзия способна стать серьезной опорой и поддержкой в противостоянии злу и несправедливости.

Увы, нам досталась слишком меркантильная эпоха. Стремительное торжество эгоизма и нарциссизма мешает разуму осмыслить и адекватно отнестись к раскинувшемуся перед нами необъятному ассортименту всевозможных богатств. И тут на помощь приходит поэзия. Именно романтический взгляд на мир позволяет сохранять человеческое достоинство перед натиском банальных соблазнов и искушений. Пример Евгении Васильевой – показателен как ничей другой. Бог послал ей немало от щедрот Своих. И она, сознавая эфемерность и прозрачность материальных ценностей, воспринимает подарки судьбы благосклонно, но не делая культа из собственной избранности. Не удивительно, что равнодушие к «успеху» обеспечило Евгении репутацию белой вороны – со всеми вытекающими последствиями.

Редко кто сегодня поверит, что стихи не изобретаются с помощью интеллекта, а диктуются свыше – льются с небес, и *мне разгадать не дано, кто стих мне ночами слагает*. Ну как после такой глубины проникновения в природу поэтического мастерства кто-то осмелится утверждать, что для Евгении Васильевой на первом месте была не поэзия, а какое-то презренное «бабло».

Согласно одному из библейских апокрифов, сначала было Слово. Потом появилось Чувство, из которого возникла Эмоция, чья бьющая через край энергетика родила Рифму. Ее появление спровоцировало Адама стать Поэтом, чтобы иметь возможность объясниться в любви к Еве. С течением времени дочери Евы обрели уверенность в себе и, не захотев ждать милостей от природы, первыми стали формулировать слова признания своим возлюбленным мужчинам.

Если материальный мир превращает людей в бездушные механизмы или в биороботов, то задача поэта – совершить обратную магию, возвратив зомби первоначальный человеческий облик.

Есть надежда, что поэт Евгения Васильева – особенно с учетом ее опыта пребывания на перекрестке терний и звезд – с честью и присущим ей изяществом справится со своей судьбоносной задачей.

Игорь Дудинский

Аллилуйя

«Аллилуйя власти и Господу!» –
Тихо я в тишине прошептала.
Аллилуйя моим сновидениям,
Что когда-то беду предвещали.

Аллилуйя земному и высшему,
Что веками волхвы прославляли.
Аллилуйя трагично погибшему
Во спасенье души, ради рая.

И хвалила я так, и молилась я,
И читала я книги божественные.
И в окне моем полыхала свеча,
Как пред чадом своим горит женщина.

Аллилуйя страданиям, что Бог послал
Слишком ровной судьбе в назидание.
Аллилуйя, что ворон мне вслед прокричал
Рваным хохотом – для воспитания.

«Ты самый лучший на моей планете...»

Ты самый лучший на моей планете.
Ты самый светлый, яркий человек.
Ты добрый, как бывают только дети,
И нежный, будто свежий белый снег.

Твоя любовь хранит меня святая,
Оберегает от земных невзгод.
И даже ангелы твои, я знаю,
Хранят меня от всех мирских забот.

Ты самый лучший, ты звезда вселенной.
Тобой гордится даже небосвод.
Ты самый умный, самый сокровенный –
Таким бывает счастье у ворот.

Ты сильный, как бывают только горы,
И гордый, как их статный вольный вид.
Ты мудрый, как старинные узоры
На побережье из земных обид.

Колокольчик

А я колокольчик, я звонкий и яркий
Во все времена и погоды.
Я звук корабельный, я звук своевольный –
Веселый и чистый, раздольный.

Щебечут мне птицы и мачты кивают,
И солнце мне ласково светит.
А я колокольчик и мне безразлично
Все тусклое на планете.

И бури, и ветры, и штили, и зной –
Все вынесу, все понимаю.
Ведь я колокольчик, я радость питаю,
И этим я мир услаждаю.

А как бы хотелось мне петь под гитару,
Под скрипки протяжные звуки.
Но я колокольчик, я просто летаю
Меж маленьких синеньких тучек.

Февраль

Поздней зимою я родилась.
Было то ночью, первый был час.
Февраль жег морозом снега стога,
И Питер с Невою баюкал меня.

Чудесное время – зимы холода,
Воздушные санки, льда города,
Снежинки узором кокеткой кружат,
И стекла морозной картиной глядят.

Я помню подробно, как холил меня
Февраль своевольно во все времена.
Меня он ласкал своей новизной,
В окошке рисуя узор озорной.

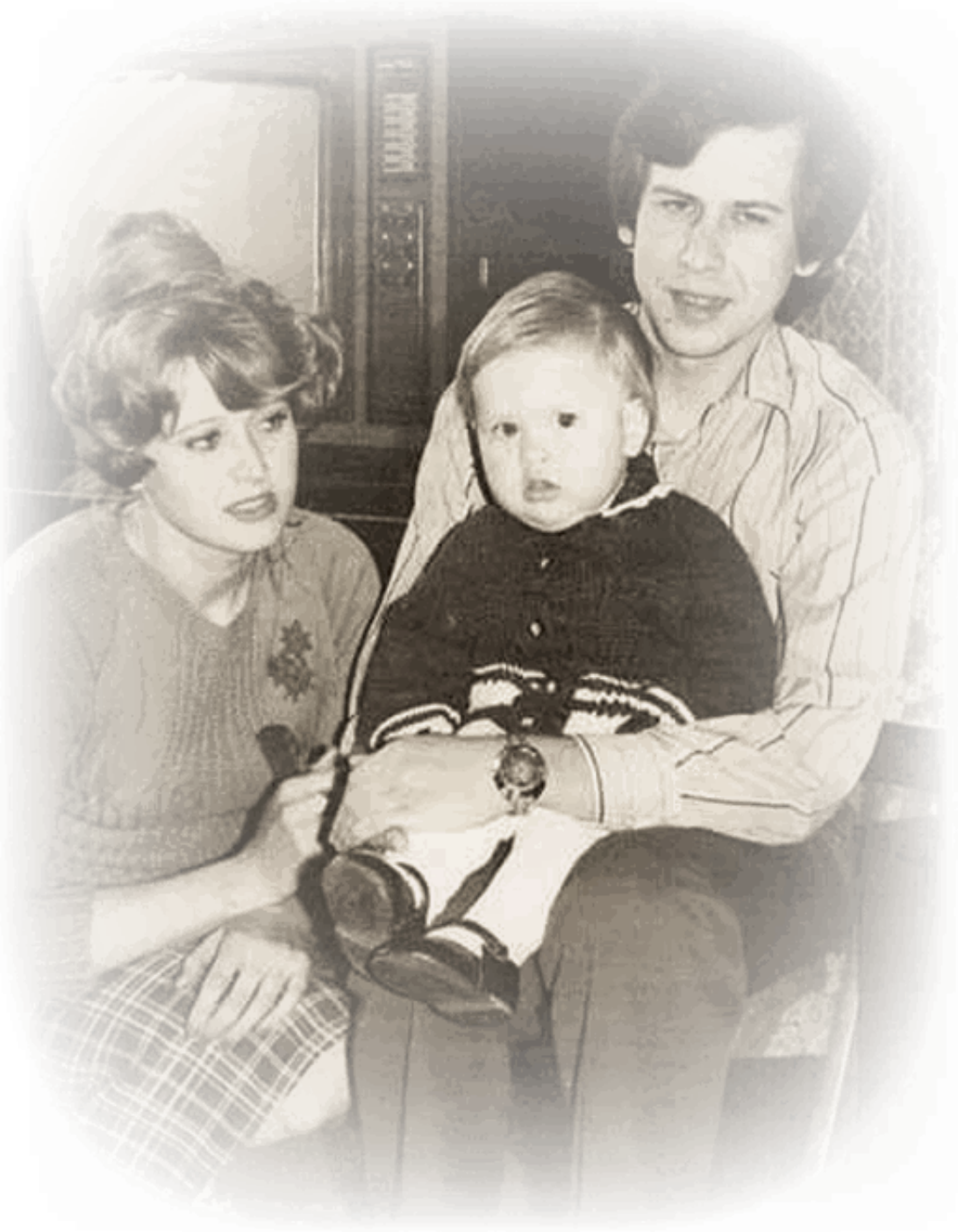
И город одел он в пушистый тулуп,
Чтоб город на время смог крепко заснуть.
А в городе я проживала, росла
И зиму любила, и лето ждала.

И родина сладкой мне негой была,
Когда в феврале расцветала зима.
Трескучая радость поземкой мела,
И зимняя сказка букеты плела.

И я до сих пор мороз тот люблю,
Как пчелы нектара живую росу.
И я до сих пор февраля красоту
Считаю роскошной, как счастья звезду.

Но что-то забыл обо мне мой февраль,
Не помнит, не любит, не гонит печаль.
Быть может, его я обидела чем?
И все ж буду ждать от него перемен.

Детство

Детство мое в любви проросло.
Свежей трава весной была.
Мама плела мне косу всегда.
Всегда целовала меня и ждала.

Ребенок была я совсем не хмурной,
Совсем не пугливый, всегда озорной.

А я все мечтала и долго ждала,
Что вырасту я и уеду – туда.

Куда – я не знала, я там не была,
Но все почему-то хотелось туда!
А детство мое очень славное было,
И солнце меня, как пшеницу, растило.

Под солнцем росла я, как та бузина,
Как яркая ягода, словно весна.
И счастлив был дом мой, и счастлива я,
Но все же мечтала: «Уеду! Туда!»

Вот стала большой я, умчалась туда.
Зачем – непонятно – из детства ушла.
Зачем я мечтала быть взрослой, большой?
Теперь я мечтаю о детстве своем.

Хочу я туда, где по пояс трава,
Березы в сережках и млеет листва,
Где я в босоножках на ветках сижу
И спелые яблоки жадно грызу.

Здесь все меня любят и славно поют,
И гольфы в полоску меня выдают.
Пусть даже разбиты надежды мои,
Мечтаю увидеть я детства цветы.

Васильковая песня Жени Васильевой

Маки красные зияют над забором полевым.
Утро красное сияет над окошком домовым.
Я, румяная, ласкаюсь на кровати на большой.
Солнце бьет в оконной раме
По скатерке, по льняной!

Мне шестнадцать, я влюбилась, я проснулась поутру,
И улыбка ясно-сине засветилась по дому!
Дом, деревья – деревянные. Пол, поленья – постоянны.
Я в деревне – я в раю, чудо-песенку пою!

Загораются луга, на лугах лежит роса.
Я росой майских грез пересекаю дол лугов.
Я росой напою, я росой накормлю,
Я живительную влагу в свое тело опущу!

Соберу я по росинке, по хрустальной, по слезинке.
Побегу, как кошка, в сад, за вишневый за наряд.
Полюбуйтесь, други-гости, что за диво, что за грозди.
Я пою в раю свою песню васильковую!

Хлебный запах из печи – печет мама пироги.
Мама, мамочка моя, как же я люблю тебя!
Раскрасавица стоит, кот на печке голосит.
Вот какая у меня раскрасивая родня.
Раскрасивая, румяная, соломенная!

Печет мама варит. Васька гулко на печи.
За окном бежит река – васильковая струна!
Васильковая, вишневая, ромашковая.
Я в деревне – я в раю, чудо-песенку пою!

Загораются луга, на лугах лежит роса.
Я росой майских грез пересекаю дол лугов.
Я росой напою, я росой накормлю,
Я живительную влагу в свое тело опущу!

Соберу я по росинке, по хрустальной по слезинке.
Побегу, как кошка, в сад, за вишневый за наряд.
Полюбуйтесь, други-гости, что за диво, что за грозди.
Я пою в раю свою песню васильковую!

Мама

Ну какая же ты красивая,
И какое лицо благородное!
Ты создание не природное,
Ты созданье святое и доброе.

Все в тебе такое красивое –
Руки, взгляд, даже лоб фарфоровый.
А цвет глаз – голубика синяя,
Как глазурь у камня сапфирного.

Твои руки, как крылья у ангела,
А глаза – как на море свидание.
Твои волосы золотом сотканы
И в прическу небрежно собраны.

Ты идешь – все вокруг озаряется.
Ты стоишь – все вокруг околдовано.
Твоим обликом люди любят.
Мы идем, а они изумляются.

Это музыка, это не женщина,
Золотыми шелками убрана.
Это мама моя, моя пленница –
Красоты небесной узница!

Иногда я пытаюсь понять его –
Красоты той несметной значение.
Мне совсем разгадать не дано ее –
Это мама моя вдохновенная!

Голубая карета

Побудь со мной, моя звезда,
Моя небесная планета.
С тобой я чувствую себя
Царевной в голубой карете.

Мою фигуру бантом в такт
Кусочек неба освещает.
А я – как яблоневый сад.
Без чувств я тихо увядаю.

Не уходи, храни меня,
Как холит море свою пену.
Когда ты рядом, все поет,
Искрит гармония по телу.

Побудь со мной, не уходи,
Мое единственное чувство.
Ты – как родник в глухом лесу.
Ты моя жизнь, мое искусство.

Моя ты голубая кровь,
Моя единственная радость,
Моя ты книга про любовь,
Моя звезда, моя награда.

Я долго сквозь потоки слез
Себя безропотно искала.
И средь волшебных нежных грез
Как долго я тебя не знала.

Единственное это зло –
Что не было тебя со мною.
Кому-то очень повезло,
Что дорожить он мог тобою.

И сквозь года и времена
Летит карета голубая.
И эта звездная стезя
Мою жизнь любит и питает.

Мне без тебя совсем не жить,
Я лучше всех тебя узнала.
Тобой, как чудом, дорожить
Мечта мне тихо наказала.

С тобою мне пустыни зной
Совсем не страшен, не опасен.
Я знаю – мне с тобой легко.
Любой каприз с тобой прекрасен.
А цвет кареты голубой
Сливается с небесным раем.
А колокольчик золотой
Звенит и путь нам озаряет.

И так мы жили много лет,
И я его в душе хранила,
Как звуки счастья, как ее –
Мою единственную силу.

Головокружение

Я в вальсе жизни закружилась –
Мелькают лица, города.
А может, просто мне приснилось,
Что в целом мире я одна.

И все кружатся и мелькают
Все те же лица, города.
И что со мною, я не знаю –
Ведет меня моя звезда.

И эта томная работа –
Всегда одна, всегда в кругу.
Всегда ищу и жду кого-то
И прямо голову держу.

И все искрится, все бликует,
Почти не виден окон свет.
Почти сливается, танцуя,
В ночи какой-то силуэт.

Но я не вижу, я слепая –
Вокруг клубок людей и чувств.
Их много, будто замираю.
Я спотыкаюсь, я боюсь.

Голос

Мой голос узнать нелегко –
Пока он совсем не известен.
Но знаю – услышат его
Под сенью моих славных песен.

И будут потом узнавать:
Ведь это не я – это чудо.
Ведь кто-то диктует слова
И фразы диктует, и буквы.

Откуда такие слова,
Откуда такие движенья?
Откуда растёт не трава,
А только её отраженье?

Мой голос все пишет стихи
И хочет, чтоб кто-то услышал.
Ведь это души маяки –
Истоки моих детских писем.

Я буду гадать, кто же он,
Кто буквы припевом слагает?
И будто совсем незнаком,
Но в душу ко мне проникает.

Ты кто? Расскажи, где живешь?
И чем я тебе интересна?
Где ты? Мой любимый вопрос:
Ответь, где твоя поэтесса?

Молчит мой таинственный друг,
Не хочет со мной откровений.
Лишь душу мою видит он
На блюдце чудесных видений.

Он видит, как сосны растут
В небесном курортном районе,
Как мама наводит уют
На летнем прекрасном балконе.

Как пахнет из дома едой,
И папа вздыхает обычно.
И дом наш совсем не большой
Нам дарит уюта привычки.

Я тихо в окошко смотрю
И жду, что тебя повстречаяю.
Тебя я когда-то найду –
Нас небо с тобой обвенчает.

Ты спросишь: «Кто это писал?»
Отвечу тебе: «Я не знаю».
Ведь кто-то меня распознал
И в дом постучал со стихами.

Увидел тебя он во сне.
Он знает: ты лучший на свете.
Такого нет больше нигде,
Такими бывают лишь дети.

Мой голос узнать нелегко,
Его я сама не признаю.
Ведь мне разгадать не дано,
Кто стих мне ночами слагает.

«Я так устала от пустой неволи...»

Я так устала от пустой неволи,
Я так устала от звенящей лжи.
Мне так постыли эти разговоры
И эти жалкие усмешки СМИ.

Я ведь когда-то улыбалась,
Я ведь когда-то иногда жила,
И даже мир вокруг казался алым
От света, счастья и добра.

Я позабыла, что такое радость
И что у Солнца есть тепла лучи.
Как будто в дом мой постучала старость
И просит навсегда меня уйти.

Но я не буду долго плакать,
Не буду я покорно голосить.
Я буду сильной и не смятой –
И вы не сможете меня убить.

Фарфоровый стих

Ты разбил вазу, теперь ее клеишь.
Она некрасива, ее не согреешь.
Но это неважно, ее ты латаешь.
Пусть склеится ваза – об этом мечтаешь.

А ваза красиво в гостиной стояла,
Фарфор ее дивный резьба украшала.
И кружево славный лепило узор,
И тонкое золото ранило взор.

Но вазу ты метко задел рукавом,
Осколки рассеял своим сапогом.
И нет больше вазы – обломки одни
Моей искрометной уставшей души.

И все покалечено, кружево – вздор,
Из золота роспись и дивный узор.
Резьба крошкой стала, и сгинул наряд,
И тряпка устала осколки вбирать.
Ты выбросил вазы немые куски,
Теперь непонятно, что стоят они.
И дни все короче, а ночи длинней.
Осколкам от вазы в ведре все больней.

Я их разложила на полке своей,
Остались на память – так будет верней.
Осколки заметил, решил склеить их –
Теперь клеем пахнет фарфоровый стих.

А крошки от вазы все так же лежат,
Их больше не склеишь – исчерпан наряд.
А хрупкие души все губятся так –
Их просто разрушить, потом не собрать.

Глух и нем

О чем грустят твои глаза?
Твоя поникла голова,
И целый мир тебе постыл.
И ты вздыхаешь, ты раним.

Что ноет зыбко на душе?
Как не печалиться тебе?
Как отрезвить души покой,
Как излечить разлуки вой?

А ты не слышишь, глух и нем,
Тебе постыл кабальный плен.
И предал тебя старший брат –
В угоду черни сдал во мрак.

И ты ходил и правды ждал,
Но он не слушал, он устал.
Он не хотел тебя жалеть,
И враг ему твой будет петь.

Но иногда, когда звучит
Мелодий старых легкий бит,
Он вспоминает, как укор,
Тот ваш последний разговор.

Но ты молчишь, ты глух и нем,
Ты все забыл навек, совсем.
Тебе не нужен тот покой,
Что завладел теперь тобой.

Пять «а»

*Посвящается Анне Ахматовой
(АниА АхмАтовА)*

Святые строки Ваших песен
Молитвой трепетной сильны,
И не смогли их уничтожить
Кроваво-красные вожди.

И много лет Ваших скитаний,
Падений, боли, слез и лжи
Не смогут имя Ваше тронуть,
Как завещали палачи.

Русь губит часто своевольно
Своих великих сыновей.
При жизни все они изгой,
А после святого святей.

Простите нас за все страдания,
Что жизнь вам все принесла.
Мы будем помнить назидания
Всех Ваших писем про пять «а».

Странник

Я так скучаю, ты мне нужен.
Совсем постыли мне часы.
Напрасно я ждала на ужин.
Ну где же ты?

Смотрю на дверь я, как и прежде,
Шагами меряю я дни.
Ну где же ты, моя надежда?
Хоть скрипни, хоть в окне мелькни.

Как губку, мне сжимают сердце
Твои усталые шаги.
И я бегу, прошу заветно –
Ты губку влагой разожми.

Но лишь полуночный охранник
В ночной дозор опять встает.
А я тебя, мой вечный странник,
Все жду, вздыхаю у ворот.

И лишь шуршат в ночи колеса
Чужих состаренных машин.
И – никого! Лишь тишь вопроса,
Что ты мне щедро подарил.

Даль

Ай-яй-яй, какая даль!
Как туда доехать
На отборных лошадях,
Обгоняя эхо?

Надо срочно добежать,
Долететь, домчаться.
Можно, право, опоздать
И с судьбой прощаться.

Очень далеко твой дом
В старенькой избушке –
Как ты ладишь там с котом –
Ушки на макушке?

У тебя один лишь кот
От меня остался.
Может, все же повезет –
Добегу, не сдамся.

Прибегу, скажу тебе:
«Я ошиблась, милый!
Жить хочу в твоей избе
Радостно-красивой.

Я устала без тебя,
Мне покой лишь снится.
Ну, отдай хотя б кота –
Будем веселиться».

Как далеко ты живешь!
Как устали кони!
Почему ты так жесток?
Стерлись все подковы.

Я доехать не смогла –
Просто опоздала.
А красивая изба
Без меня пропала.

Суета

Все это суета бесцельная, хромая
Терзает жизнь, шипя, не уважая.
Упреков целый ряд – воинственных и жалких,
И вечная борьба за первенство мочалки.

И силы тратишь ты на это забавленье –
Иначе смысла нет, иначе отупенье.
И кажется тебе, что это и есть радость –
Гонять туда-сюда бесчувственную сладость.

Но радость так тиха – в броне она железной.
Почувствовать ее – загадка не успешна.
И суетливый день опять тебя встречает
И гордостью своей тебя вновь покоряет.

И кажется тебе, что ты живешь проворно,
Пинаешь и бежишь к успеху всем довольный.
Кидаешь на ходу движенья и предметы.
Бессмысленно ждешь от судьбы приветы.

Загадка

Ты очень яркий, ироничный,
Порою едкий и циничный –
То ли приятель закадычный,
То ли посланник заграничный.

Как разгадать тебя, кто ты?
С какой слетел ты высоты?
Твой взгляд мгновения глотает,
И чуткость губ как будто манит.

И будто голос твой дурманит,
И пальцы воздухом играют,
И взор сознание пленит.
Цвет глаз – как яркий фианит.

И все в тебе так ладно, славно.
Ты миром правишь полноправно.
И строгий ловкий внешний вид,
И слог, и ум будто магнит.

Твоя улыбка будто свечка,
Не догорает, хоть не вечна.
И взгляд, как ночь в морской избе –
Уютом пахнет по весне.

Но ты ли это? Иль мираж?
Не порыжеет ли рассказ?
И не пробьются ли рога,
Как у коварного врага?

И не пробьется ль чудом хвост,
Что дух изгнания принес?
Не запотеют ли глаза,
Что манят, глубину храня?

А ты все смотришь на меня,
Как будто я твоя мечта.
Как будто нет любви вернее
И нет красивее богини.

И восхищеньем полон взгляд,
И движется души парад.
И каждый вечер перед сном
Я тихо думаю о нем.

Но нет! Ты кто? Тебя ведь нет!
Ты – как мерцание планет.
То ты со мной, то ты с другою.
То про меня, то про иное.

То ты красив, то ты спесив!
То ты печален, то игрив!
Капризен, иногда небрежен,
Смазлив и будто бы любезен.

Кто ты? Какой ты настоящий
Под этой маской наводящей?
Зачем тебе моя любовь
И этот взгляд, и эта бровь?

Молчанье, обликом прекрасен,
И тонкий запах чуть опасен.
Тебе не нужен разговор –
Загадка радует твой взор.

Разговорчики

Нехорошо подслушивать чужие разговоры –
Вынюхивать, выуживать, искать все время ссоры.
Нехорошо искать там грязь и насаждать раздоры,
И думать, что весь этот вздор затронет наши взоры.

Нам лица ваши не видны – они совсем закрыты.
А там лицо как ржавый сейф, невидимы ресницы.
В глазах у вас увядший век, поникшее веселье.
Как много может человек, однако, от безделья!

Упреки – это ведь возня, они не создают.
Они, как долгая болезнь, страну управляют.
Как злая мачеха, страна чужим трудом лоснится
И ничего не создает – лишь службами гордится.

А разрушать и порицать с восторгом мы умеем.
И вой, и гадость поднимать, как сплетница, радеем.
А за окном двадцатый век уже мы провожаем,
Но все такой же человек – возней себя питает.

Долго-долго

Мы с тобой по аллее долго-долго пойдем.
Будет солнце светить детским светом.
И никто никогда не разлучит нас вновь –
Даже если любовь под запретом.

Никакая страна, никакая земля,
Ни планета, ни мир, ни вселенная
Не заставят признать, не заставят понять,
Что любовь у меня безответная.

В тонкой дали души все поют соловьи.
Переливы их звонки, раскатисты.
Будет весел мой дом, и твое место в нем
Навсегда будет солнцем согрето!

Ну а если порою придут облака,
Мы с тобою к ним будем готовы,
И уж точно судьба не разлучит тогда
Нас с тобой и святую икону.

Зимняя сказка

Озеро сонное в блюде застыло.
Лед на тарелке разлегся красиво.
Света лучи отражаются в нем.
В белом коньки разжигают огонь.

Блюде рисует картины и планы.
Реки, холмы и ледовые храмы.
Домик из бревен и русские ставни,
Снега узоры в падении плавном.

Длинную ножку конек обнимает.
Ножка танцует, следы оставляет.
В мир ледяной нас мороз приглашает.
Фигуры и судьбы на льду оживают.

Они забавляют весь мир ледяной,
И сказками дышит на блюде покой.
Зима мимолетно на блюде спустилась,
Снежинками белыми дышит полмира.

Зимняя сказка кружит хоровод.
Тепло и уютно, совсем без забот.
И все так прекрасно, но иногда
Меня посещает немая тоска.

Я в зимнюю сказку тогда уйду,
В блюде свое я украдкой смотрю.
Там оживают фигуры и люди,
Лед охраняет холодные судьбы.

Белые сосны с восторгом стоят,
Дети на санках о чем-то галдят.
Печка в избушке печет пироги
И пахнет корицей, и красочны дни.

И если вам скучно бывает порой,
Вы в зимнюю сказку играйте со мной.
И детство тогда ваше в сон уведет,
И будет прекрасным с мечтою полет.

Кровушка

*Горькую обновушку
Шила другу я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.*

Анна Ахматова

Ох, как любит кровушку
Русская земля.
Ох, как любит заживо
Погубить она.

Но ведь жизнь налажена
И налажен быт.
И идет наряженный
Полк кровавых пик.

Погубить разумное –
Горе от ума
И убить красивые
Чудо-имена.

И упечь в решетку их,
Раздавить, зажать,
Чтобы благородство
Им не созидать.

Чтобы им не думалось
Про таланты их.
Чтобы однородным был
Мир свинцовых плит.

Вот такая сказочка
На Руси живет.
Ох, как любит кровушку
Наш честной народ.

С вами

С вами бываю я ласковой,
С вами бываю добра.
И ничего не печалит меня,
Только смешит иногда.

День мне приносит букетами
Солнце и запах цветов.
Даже пускай над поэтами
Воздух глумится порой.

И не понять всем врагам моим,
Что моя жизнь, как хрусталь.
Вечно она будет праздничной –
Яркий земной идеал.

Разные страны нас ждут к себе,
Разные травы, цветы.
Будем мы снова встречать рассвет,
Вместе смотреть будем сны.

Пломбир

Я будто в зиму окунулась –
В холодный белый яркий свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.